происшествий в Изяславовой вотчине под Дорогобужем и в самом городе не случайно. Можем с большой вероятностью думать, что оба они сигнализируют о каких-то крупных событиях в Дорогобуже — городе незначительном и упомянутом летописью лишь в связи с его передачей во владение родоначальнику гродненских князей Давиду Игоревичу. Когда же было организовано чудо с сухорукой?

Оно кажется точно датированным. В Несторовом «Чтении» указано, что оно произошло в день Успения богородицы, приходившийся на воскресенье. Эта календарная примета соответствует 1081 или 1087 г., что и позволило А. А. Шахматову датировать «Чтение» временем до 1088 г.³¹ Но было ли устроено само чудо также в эти годы, можно сомневаться. Любопытно, что в «Чтении» совпадение чуда с праздником Успения особо подчеркнуто специальной фразой: «бе бо неделя в ть день и Успение святые богородица». В этом нельзя не усмотреть стремления печерского монаха Нестора как-то сказать, что в чуде проявилось благоволение не только Бориса и Глеба, а и богородицы, Успению которой была посвящена «великая церковь» его монастыря. Может быть, о тех же печерских интересах говорит особая роль в чуде с сухорукой явления Николая-чудотворца. Его культ был популярен на Руси, и предполагают, что автором службы Николе был печерский монах Григорий — «творец канонов».³² Таким образом, действительная достоверность календарной приметы в рассказе о сухорукой не очень высока. К тому же в других рассказах о чудесах (кроме чуда с узниками) такой календарной точности нет. Сами авторы «Чтения» и «Сказания» хорошо знали фиктивность своих чудес и свободно обращались с их исторической привязкой. Вспомним, что чудо с узниками (о нем ниже), отнесенное Нестором ко времени Ярослава, в «Сказании» было связано со Святополком. Поэтому мы можем лишь говорить, что чудо с сухорукой было организовано после 1072 г., может быть вскоре после постройки новой церкви в Вышгороде. Существенна в этом плане хронологическая заметка, что чудо произошло через три года после того, как бедная раба пострадала за свое вольнодумство от расправы Николи и святых князей.³³ Нам кажется вероятным, что эта история с дорогобужской рабой, проявившей вольное отношение к церкви, имела место скорее всего в пору восстаний горожан и смердов в 1068—1071 гг., одним из эпизодов которых было и возмущение в дорогобужской же вотчине Изяслава, когда был убит старый княжеский конюх; 80-гривенный штраф, наложенный Изяславом и узаконенный «Правдой Ярославичей», свидетельствует о размахе дорогобужских событий. Глубоко прав М. Н. Тихомиров, указавший, что восстания 60-х годов распространились «на значительные пространства».³⁴

Если история с дорогобужским конюхом говорит о восстании в Изяславовой вотчине, то рассказ о дорогобужской рабе указывает на какие-то волнения в городе. Знаменитое «Слово о казнях божиих», составленное в связи с восстаниями 60-х годов, обращало внимание современников на

³¹ А. А. Шахматов. Разыскания... стр. 56.

³² Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 2. М., 1904, стр. 400, прим. 1.

³³ Мотив о непосещении церкви в течение трех лет после происшедшего несчастья отразился в духовном стихе о Николе:

Что же ты не веруешь в святителя Миколу,
Не приходишь ты к соборной божьей церкви
Не много, ни мало — по три года...

См.: П. Безсонов. Калики переходные, вып. III М., 1861, стр. 560.

³⁴ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания... стр. 99